

Константин Станюкович

Василий Иванович

Константин Станюкович

Василий Иванович

«Public Domain»

1866

Станюкович К. М.

Василий Иванович / К. М. Станюкович — «Public Domain», 1866

© Станюкович К. М., 1866

© Public Domain, 1866

Содержание

I	5
II	7
III	9
IV	11
V	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Константин Михайлович Станюкович ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

I

Ослепительно роскошный пейзаж предстал во всей своей красоте, когда солнце, медленно выплыв из-за горизонта, залило светом и блеском остров, утопавший в зелени, на фоне которой сверкали белые дома и хижины маленького Гонолулу¹, приютившегося у лагуны кораллового рифа, под склоном зеленеющих гор с обнаженными золотистыми верхушками.

Чарующая роскошь тропической растительности, блеск моря, зелени и света, переливы то нежных, то ярких красок, сверкавших под лучами солнца, тихо плывущего в бирюзовую высь, – все это казалось какой-то волшебной декорацией. Не верилось, что наяву видишь такую прелесть.

Вокруг царила мертвая тишина. Только из-за узкой полоски барьерного рифа, отделяющего лагуну от океана, доносился тихий ропот замиравшей зыби. Город еще опал в своей кудрявой зеленой люльке. Рейд был безмолвен. Шляпки не сновали между берегом и несколькими судами, стоявшими на рейде, и пристань была безлюдна.

Среди этой торжественной тишины расцветавшего тропического утра вдруг раздался свист боцманской дудки, и вслед за тем в тиши гонолульского рейда разнеслись энергические приветствия по адресу матросских родственников, – внезапно напомнив вам, что вы находитесь на оторванном клочке далекой родины – на палубе русского клипера, в тот самый момент, когда начинается генеральная чистка после прихода военного судна на рейд.

Это – не обычная, ежедневная чистка, несколько напоминающая мытье голландских городков, а нечто еще более серьезное. Это – то торжественное жертвоприношение богу морского порядка и богине чистоты, которое матросы коротко называют «каторжной чистотой».

Клипер пришел на рейд накануне, перед вечером, и потому «чистота» была отложена до утра. И вот, как только пробило восемь склянок (четыре часа), клипер ожил.

Босые, с засученными до колен штанами, матросы рассыпались по палубе. Одни, ползая на четвереньках, усердно заскребли ее камнем и стали тереть песком; другие «проходили» голиками, мылили щетками борта снаружи и внутри и окачивали затем все обильными струями воды из брандспойтов и парусинных ведер, кстати тут же свершая утреннее свое омовение.

Под горячими лучами тропического солнца палуба высыхает быстро, и тогда-то начинается настоящая «отделка». Несколько десятков матросских рук принимается убирать судно, словно кокетливую, капризную барыню на бал.

Клипер снова трут, скоблят, тиранят – теперь уже «начисто», – подкрашивают борты, подводят на них полоски, наводят глянец на пушки, желая во что бы ни стало уподобить чугунную поверхность зеркальной, и оттирают медь люков, поручней и кнехтов с таким остервенением, словно бы решились тереть до тех пор, пока блеск меди не сравнится с блеском солнца.

Перегнувшись на реях, марсовые ровняют закрепленные паруса; на марсах подправляют «подушки» парусов у топов. Внизу – разбирают и укладывают снасти. Двое матросов висят по бокам дымовой трубы на маленьких, укрепленных на веревках дощечках, слывущих на морском жаргоне под громким названием «беседок» (хотя эти «беседки» так же напоминают настоящие, как виселица – турецкий диван), подбеливая места, чуть тронутые сажей, и мурлыкая себе под нос однообразный мотив, напоминающий в этих южных широтах о далеком севере.

¹ Гонолулу – город и порт, административный центр Гавайских островов.

Уборка в полном разгаре. Старый боцман Шукин, по обыкновению, уже начинает сипнуть от ругани, придумывая самые затейливые и неожиданные вариации на одну и ту же тему, не столько ради необходимости «поощрить», сколько для соблюдения боцманского престижа и из желания щегольнуть плодами своей неистощимой ругательной фантазии. В этом он решительный виртуоз, не знающий соперников. Недаром он считается заправским боцманом и служит во флоте пятнадцать лет.

У матросов работа кипит. Они лишь урывками бегают своей особенной матросской побегжой (вприпрыжку) на бак – курнуть на скорую руку, захлебываясь затяжками махорки, взглянуть на сияющий зеленый берег и перекинуться замечаниями насчет окружающей благодати.

Такая же отчаянная чистка идет, разумеется, и внизу: в палубе, в машине, в трюме, – словом, повсюду, до самых сокровенных уголков клипера, куда только могут проникнуть швабра, голик и скрябка и долететь крепкое словечко.

Уже восьмой час на исходе.

Уборка почти окончена. Только кое-где еще мелькают последние взмахи суконок и кладутся последние штрихи малярной кисти.

Матросы только что позавтракали, переоделись в чистые рубахи и толпятся на баке, любуясь роскошным островом и слушая рассказы шлюпочных, побывавших вчера на берегу, когда отвозили офицеров.

В открытый люк кают-компании виден накрытый стол с горой свежих булок и слышны веселые голоса только что вставших офицеров, рассказывающих за чаем о вчерашнем ужине на берегу, о красотах апельсиновой рощи, о прелестях каначек²...

Все теперь готово к подъему флага и брам-рей. Клипер «приведен в порядок», то есть принял свой блестящий, праздничный, нарядный вид. Теперь не стыдно его показать кому угодно. Сделайте одолжение, пожалуйста и разиньте рты от восхищения при виде этого умопомрачающего блеска!

Палуба так и сверкает белизной своих гладких досок с черными, вытянутыми в нитку, линиями просмоленных пазов и так чиста, что хоть не ходи по ней («плюнуть некуда», как говорят матросы). Борты – что зеркало, глядись в них! Орудия, люки, компас, поручни – просто горят, сверкая на солнце. Матросские койки, скатанные в красивые кульки и перевязанные крест-накрест, белы, как снег, и на удивленье выровнены в своих бортовых гнездах. Снасти подтянуты, и концы их уложены правильными кругами в кадках или висят затейливыми гирляндами у мачт... Словом, куда ни взгляни, везде ослепительная чистота. Все горит, все сверкает!

И даже клиперский пес, Мунька, щенком взятый из России, плавающий с нами второй год и наметавшийся-таки в морских порядках, словно понимая торжественность минуты, старательно охорашивается и вылизывает свои черные мохнатые лапы, забравшись в сторонку, под пушку, чтоб не попадаться на глаза старшему офицеру, Василию Ивановичу. В качестве старшего офицера, Василий Иванович не особенно благоволит к общему любимцу Муньке, ибо знает за ним кое-какие неблаговидные проделки, нарушавшие, к ужасу Василия Ивановича, самым позорным образом великолепную чистоту палубы. Хотя Мунька, после основательной порки, давным-давно исправился и вместе с двуногими существами смотрит на палубу как на священное место, тем не менее чувствует, что Василий Иванович все еще не вполне доверяет собачьему благонравию, и потому, как благоразумный пес, старается быть подальше от глаз начальства в те торжественные часы, когда на судне свершается культ чистоты и когда, следовательно, Мунькиной шкуре, более чем когда-либо, грозит серьезная опасность.

² *Каначки*. – Канаки – старинное название жителей островов Полинезии; на языке туземцев Гавайских островов «канак» – человек, житель страны.

II

Низенький, гладкий и круглый, как кубышка, пожилой лейтенант, щеголевато одетый во все белое, с безукоризненно чистыми воротничками – «лиселями», подпирившими короткую загоревшую шею, стремительно выскочив снизу, появился на шканцах.

Это – «сам» Василий Иванович, старший офицер, помощник капитана, «хозяйский глаз» клипера и главный жрец порядка, прозванный матросским остроумием, дающим начальству свои неофициальные клички, – «Чистотой Иванычем».

Его круглое, широкое и добродушное лицо с тщательно выбритыми мясистыми щеками и толстой небольшой луковкой между ними, исправляющей должность носа, лоснится и сияет, как медная пушка на юте. Василий Иванович, очевидно, в отличном настроении. Недаром он жмурится, как кот, которому чешут за ухом.

С самого раннего утра – как только началась чистка – Василий Иванович, как волчок, носился по клиперу. То здесь, то там, то на палубе, то внизу мелькала его толстенькая подвижная фигурка в коротеньком рабочем пальто-буршлатике, в сбившейся на затылок фуражке и раздавался его пронзительный, несколько визгливый тенорок. Везде «нюхал», по выражению матросов, Василий Иванович. Там покрикивал, здесь похваливал и неся далее, возбужденный и озабоченный.

Так носился он во время уборки и затем сделал генеральный осмотр клипера. Куда только не заглядывал он! В какие только «узкости» и едва доступные места не залезал Василий Иванович, несмотря на свое почтенное брюшко!

В сопровождении боцмана Щукина, который насчет чистоты и порядка был, пожалуй, еще *plus royaliste que le roi*³, Василий Иванович обошел нижнюю палубу, спускался в машинное отделение, лазил по кубрикам и по трюму. Везде он зорко оглядывал, везде, в случае сомнения, пробовал пальцем – чисто ли? (И Щукин следовал примеру Василия Ивановича – тоже пробовал.) В трюме оба жреца чистоты нагнулись над местом, где скопится трюмная вода, и добросовестно потянули носами – хорошо ли она пахнет? Понюхали, остались довольны и пошли прочь.

Везде был примерный порядок. Во время осмотра взгляд маленьких, добрых серых глазок Василия Ивановича ни разу не загорался внезапным гневом; толстенькая, волосатая его рука не сжималась нервно в кулак, и из-под нависших рыжих усов, прикрывавших толстые, сочные губы, не срывались внушительные приветствия, столь любимые моряками вообще, а старшими офицерами и боцманами в особенности.

Осмотрев все внизу, Василий Иванович мог с спокойным сердцем отправиться в каюту и посвятить четверть часа своему туалету. Он любил-таки заняться своей особой. Он тщательно выбрился, вымылся, попрыскал себя одеколоном, основательно подчесал височки вперед и подфабрил усы, не без самодовольного чувства любуясь отражением круглого, мясистого, добродушного лица, и, взглянув на часы, торопливо облекся в свежую белую пару, чтобы к подъему флага (к восьми часам) быть, по обыкновению, чистым и сияющим, как и самый клипер, о благолепии которого он так ревновал.

Веселый и довольный, что все в порядке, что погода славная («отлично такелаж тянуть!») и что не вредно будет съездить на берег и посмотреть на каначек, какие они такие, – Василий Иванович взбежал, с ловкостью настоящего моряка, по трапу на мостик. Там лениво шагал, ожидая смены и чаю, молоденький вахтенный мичман, уставший уже любоваться в течение четырехчасовой вахты красотами тропической природы и с завистью посматривавший в открытый люк кают-компания на стаканы с чаем, булки, сливки и масло.

³ более монархист, чем король (*фр.*)

– Все готово у нас к подъему брам-рей? – спросил Василий Иванович, принимая озабоченный, служебный вид, хотя отлично знал, что все давно готово.

– Все готово-с! – отвечал и мичман официальным тоном, видимо, щеголяя служебной аффектацией в ответе старшему офицеру.

– Как время?

– Полсклянки до восьми!

И затем, выдержав паузу, мичман прибавил уже неофициальным тоном:

– Кругом-то прелесть какая! Взгляните, Василий Иванович!

– Еще будет-с время любоваться, батенька, красотами природы... Эх, вы, поэт! – с веселой снисходительностью прибавляет Василий Иванович.

И как будто назло экспансивному мичману, любующемуся на вахте природой, Василий Иванович даже не взглянул на сиявший роскошью красок остров, а, расставив фертом свои коротенькие ножки и задрав кверху голову, стал осматривать, хорошо ли выправлен рангоут.

Он не просто осматривал, а, можно сказать, священнодействовал. То слегка приседал, держась руками за поручни, то приподнимался на цыпочки, то прикладывал руки к глазам, с серьезною торжественностью проверяя выправку рей и зорко оглядывая, не «висит» ли какая-нибудь веревка.

Точно такие же движения и с такой же, если еще не с большей, серьезностью, проделывал на баке, вслед за Василием Ивановичем, и боцман Шукин, взглядывая по временам на старшего офицера, причем весь подавался вперед, вытягивая свое красное, загорелое лицо и насторожив ухо – не будет ли какого замечания.

Наконец они оба окончили свои гимнастические упражнения. Все, слава богу, и наверху в исправности! Реи выправлены безукоризненно; паруса закреплены на совесть; такелаж подтянут.

Василий Иванович окончил осмотр, но все еще продолжает любоваться общим видом клипера с тем чувством удовлетворения и гордости, с каким хороший хозяин смотрит на дело рук своих. Лаская клипер любовным взором и глядя на весь этот блеск, на все это великолепие судна, он мог по совести воскликнуть, как Кукушкина в «Доходном месте»: «У меня ль не чистота, у меня ль не порядок!»⁴

⁴ ...как Кукушкина в «Доходном месте»: «У меня ль не чистота, у меня ль не порядок!» – Неточная цитата из комедии А.Н.Островского «Доходное место» (1857).

III

С этой почтенной дамой у Василия Ивановича, как и у многих старых моряков, было-таки немало сходства. Он не меньше ее был влюблен в чистоту и порядок и на служение им положил свою душу, добровольно создав себе из своей обязанности, и без того не легкой, нечто вроде подвижничества.

С утра до вечера, и в море, и на якоре, Василий Иванович вертится, как белка в колесе, наблюдая, чтобы клипер был «игрушкой», чтобы работы «горели». Он искренне скорбел, если паруса крепились не в четыре минуты, а в пять, и приходил в отчаяние, если на другом судне работали скорее, чем на клипере. Он хмурил брови при виде пятна на борту и не на шутку волновался, поймав гардемарина, который осмеливался, по молодости лет, плюнуть на палубу, а не за борт.

Тогда Василий Иванович весь краснел и петухом набрасывался на преступника.

– Как же это можно-с! Палуба, можно сказать, в некотором роде-с, священное место-с, а вы, с позволения сказать-с, плюете-с! – взволнованно говорил Василий Иванович, прибавляя в таких случаях, для большей внушительности, «с». – Вы плюнете-с, другой плюнет-с, третий харкнет-с – во что обратится тогда палуба-с! Вам бы пример подавать нижним чинам, а не плевать-с... Этого нельзя-с, господин гардемарин!

«Господин гардемарин» выслушивал выговор, приложив руку к козырьку фуражки и стараясь сохранить на лице самую серьезную мину. И Василий Иванович отходил, нервно поводя плечами и теребя свои усы.

Минут через пять – десять Василий Иванович обыкновенно снова подходил к провинившемуся и, взяв его под руку, уже весело замечал своим обычным, добродушным тоном, каким говорил не по службе:

– А вы, батенька, не будьте в претензии, что я вас распустил... Без этого нельзя! Служба – службой, а дружба – дружбой, голубчик!

И, стараясь загладить неприятное впечатление выговора, Василий Иванович пускался рассказывать, как его, бывало, «разносили» («тогда этих нынешних деликатностей не было, батенька!») и нередко угашивал стаканом портера из своего собственного запаса.

– Выпейте, батенька! Это здоровый напиток! – ласково приговаривал он.

В заботах о клипере сосредоточивались все интересы Василия Ивановича. Других, казалось, он не знал или по крайней мере забывал о них на время. Всегда занятый, умевший создать себе заботы, если их не было, из пустяка сделать серьезный вопрос, – Василий Иванович наполнял таким образом жизнь, не зная скуки, не нуждаясь в чтении, не тяготясь однообразием судовой жизни. Поглощенный службой, он, казалось, был вполне доволен и счастлив, и долгое плавание ему было нипочем. Ничто его не тянуло в Россию. Ни мать, ни сестра, ни невеста не ждали его возвращения.

Он был одним из тех скромных морских служаков, которые тянут ляжку, никогда не выдаваясь, ни на что не претендуя и всегда оставаясь в тени. Исправный, исполнительный офицер, добрый товарищ, не знавший интриг и служебного пролазничества, он никогда никуда не просился и всегда старался быть подальше от начальства, словно боясь, как бы его не заметили. Лишь через пятнадцать лет службы Василия Ивановича, наконец, назначили старшим офицером на судно, отправлявшееся в кругосветное плавание, и то благодаря хлопотам командира, давно знавшего Василия Ивановича. Сам он никогда бы не решился беспокоить высшее начальство, уверенный, что оно само знает, кто чего достоин. Вдобавок он и трусил начальства, терялся в его присутствии и временами совсем ошалевал. Смотр какого-нибудь адмирала бывал для Василия Ивановича настоящей пыткой. Он заранее волновался, и хотя знал, что на клипере все в исправности, а все-таки трусил.

– А вдруг он да что-нибудь заметит! – говорил обыкновенно в таких случаях Василий Иванович и, лично храбрый, не терявшийся во время бурь и непогод, он падал духом и тихонько крестился, чтобы все «промело» благополучно.

Разумеется, по большей части все «прометало» благополучно, и Василий Иванович радостно пыхтел, когда адмиральская гичка отваливала от борта.

– Антонов! – весело кричал своему вестовому Василий Иванович, спускаясь, после проводов адмирала, в кают-компанию, – достань-ка, братец, бутылочку портерку!

И, весь красный и вспотевший от пережитых тревог и волнений, Василий Иванович с жадностью выпивал стакан-другой «здорового напитка», угощал радушно желающих и малопомалу приходил в себя.

IV

Хотя Василий Иванович и «донимал чистотой», но никакого страха не наводил на матросов, и матросы были расположены к старшему офицеру. Правда, матросское остроумие прозвало его Чистотой Иванычем, но в этом прозвище было больше добродушного юмора, чем злобы.

– Чистота, ребята, идет! – шепчет, бывало, матрос соседям, завидя, во время утренней уборки, приближавшуюся круглую фигурку Василия Ивановича, и начинал тереть какой-нибудь медный болт, и без того сверкающий, еще с большим ожесточением.

И Василий Иванович рад.

– Чище его, братец, чище его, каналью! – говорит, останавливаясь, Василий Иванович. – Чтобы горел, понимаешь?

– Есть, ваше благородие! – отвечает матрос.

Василий Иванович несется далее и уже шумит на баке, указывая пальцем на какой-нибудь милосияющий блочек, а матросы улыбаются, уменьшая, по уходе старшего офицера, свое ожесточение против меди.

– Наша Чистота не жалеет, братцы, суконок!

– И носит же его, даром что пузастый... Ишь расшумелся!

– Шуметь – шумит, а ведь добер...

– Это что и говорить – правильный человек... Вот только чистотой донимает.

– Одно слово... Чистота Иваныч! – посмеиваются матросы.

По своим теоретическим «морским» убеждениям Василий Иванович – «умеренный дантист» и линек считает в некоторых случаях недурным средством исправления.

– Нельзя иногда и не «смазать»! – говорит Василий Иванович. – Нельзя бывает в крайнем случае и не «всыпать»... Высыпал небольшую порцию и... шабаш... Не под суд же отдавать... Пропадет человек!

Однако Василий Иванович, по доброте своего характера, крайне редко применяет на практике свои принципы (хотя и не скрывает их). Если случалось иногда, в минуты вспышки, когда марсафал отдадут не вовремя или где-нибудь «заест» шкот, Василий Иванович, в дополнение к обильным приветствиям, и смажет кого-нибудь, то смажет, по выражению матросов, вовсе «без чувства».

– Ровно комар кусанул! – смеются потом матросы, собравшись «полясничать» на баке... – У нашего Чистоты Иваныча рука, братцы, легкая. А был у нас на фрегате старший офицер, так я вам скажу... рука! И опять же, бил зря... Озверев и чешет... – рассказывает кто-нибудь из матросов.

– Много их есть таких!.. – подтверждают другие.

– А наш-то, надо правду говорить, зря не дерется! Да и в кои веки!

Обыкновенно Василий Иванович после кулачной расправы чувствовал какую-то неловкость. Не то чтобы он испытывал угрызение совести... нет – он смазал за дело! – а все-таки ему было как-то не по себе, особенно если наказанный матрос был из числа безответных. Вдобавок и веяния времени оказывали свое влияние – то был расцвет шестидесятых годов – и капитан был враг подобных наказаний, и благодаря влиянию этого человека на клипере телесные наказания были изгнаны из употребления ⁵ задолго до официального их уничтожения.

Еще в начале плавания, вскоре по выходе из Кронштадта, капитан пригласил однажды к себе в каюту офицеров и гардемарин и высказал свои взгляды на отношения к матросам

⁵ ...на клипере телесные наказания были изгнаны из употребления... – Согласно указу от 17 апреля 1863 года телесные наказания на военных судах могли применяться как дисциплинарное взыскание только по суду.

– взгляды, совсем непохожие на существовавшие тогда во флоте. Он рекомендовал господам офицерам избегать телесных наказаний и кулачной расправы, надеясь, что ни дисциплина, ни «морской дух» не пострадают от этого.

Капитанский спич произвел сильное впечатление, особенно на молодежь. В порыве энтузиазма в кают-компании вскоре состоялось даже решение – незначительным, впрочем, большинством голосов, – не браниться и за каждое бранное слово, обращенное к матросу, вносить штраф. Василий Иванович чистосердечно объявил, что он не присоединяется к такому решению, и тогда же выразил сомнение в осуществимости плана. Он оказался прав. Выполнить это самоотверженное постановление оказалось сверх сил моряков, и вскоре его отменили, – иначе очень многим пришлось бы не только сидеть без копейки жалованья, но и войти в неоплатные долги.

И капитан, всегда сдержанный, мягкий и снисходительный, бывало, только морщился, когда во время аврала на клипере раздавалась ругань, увеличиваясь *crescendo*⁶ по мере расстояния от мостика, где взад и вперед молча ходил капитан и где, распоряжаясь авралом, простирал иногда в отчаянии руки к небесам Василий Иванович, ругаясь себе под нос, что работа шла тихо и, наконец, не выдерживал – летел на бак и там давал волю языку своему по поводу какой-нибудь «заевшей» снасти.

В кают-компании любили Василия Ивановича за его правдивость и добродушие и признавали его авторитет в знании морского дела. Многие, правда, находили, что он уж чересчур влюблен в «чистоту и порядок», а некоторые из молодежи, кроме того, ставили на счет Василию Ивановичу и его морские принципы, считая их отсталыми. Василий Иванович это знал, но продолжал исполнять свое дело по своему разумению.

Слушает, бывало, Василий Иванович, по обыкновению молча, когда в кают-компании поднимается после обеда какой-нибудь спор по поводу щекотливых вопросов, и редко вмешивается. Но если он заметит, что молоденький гардемарин слишком пылко возмущается взглядами своего оппонента, Василий Иванович непременно заметит:

– Все это отлично, что вы говорите... Гуманные, благородные взгляды, спору нет... Ну, и разные там философии: «отчего да почему?» – превосходно-с, но только протяните-ка, батенька, ляжку с наше, и тогда посмотрим, каким будете вы в наши годы... А теперь – молода, в Саксонии не была! Выпейте-ка лучше портерку, милый человек, да оставьте Фому Фомича при его взглядах...

– Ну уж извините, Василий Иванович, извините-с! Ни теперь, ни после я не изменю своим убеждениям, – горячится юнец с взбитым вихорком.

– И дай вам бог, дай вам бог не изменять им!.. Но сперва надо испытать себя, выдержать, знаете ли, несколько житейских штормиков, как мы с Фомой Фомичом! – добродушно прибавлял Василий Иванович.

Фома Фомич, пожилой и невзрачный артиллерист, безнадежно тянувший ляжку в вечном подчинении, поручик, несмотря на свои сорок пять лет от роду и двадцать пять лет службы, – видимо, начинал сердиться на этого «мальчишку», который бегал еще с «разрезной бизанью» (то есть в незастегнутых панталончиках) в то время, когда Фома Фомич уж давно был прапорщиком. А между тем через год-другой – смотришь, этот же самый мальчишка будет начальником того же Фомы Фомича, только потому, что Фома Фомич принадлежал к тем обойденным, забитым судьбою, служебным «париям»⁷, которые известны во флоте под названием штурманов, механиков и морских артиллеристов.⁸

⁶ нарастая (*ит.*)

⁷ *Пария* – здесь: отверженный, бесправный человек; от названия одной из низших каст в Южной Индии.

⁸ Недавно корпус штурманов и морских артиллеристов упразднен (Недавно корпус штурманов и морских артиллеристов упразднен... – По Положению о Морском ведомстве, утвержденному 3 июня 1885 г.), и прежнему антагонизму между разными родами службы более не будет места. (*Прим. автора.*)

Некрасивое, скуластое, с выпученными глазами, как у быка, лицо Фомы Фомича начинает багроветь. Уж он не прочь «оборвать» мальчишку, пока он еще младше чином, и излить на него запас зависти и злобы, хотя и подавленной, но вечно питаемой обойденными, униженными офицерами корпусов вообще к морякам, – но Василий Иванович не зевает и вмешивается в спор, стараясь смягчить его острый характер.

Он опять предлагает стаканчик портеру, на этот раз Фоме Фомичу, затем начинает рассказывать, обращаясь к нему, какой-нибудь эпизод из своей службы и в то же время беспокойно посматривает: не догадается ли другой спорщик выйти из кают-компании. Но на этот раз маневры Василия Ивановича не удаются. Едва он кончил рассказ, как Фома Фомич в нетерпении поворачивает лицо свое к юнцу, который, в свою очередь, приготовился к бою, словно молодой петух.

Тогда Василий Иванович «вдруг вспоминает», что ему нужно переговорить с Фомой Фомичом по службе насчет крьюит-камеры, и тихонько уводит с собою Фому Фомича наверх. Он сперва действительно начинает речь о каких-нибудь работах, относящихся к ведению артиллериста, но, не умея хитрить, скоро путается и под конец говорит:

– Я ведь нарочно все это... обеспокоил вас... Уж вы извините, Фома Фомич... Вы разгорячились... он разгорячился... долго ли и до ссоры!.. А вы ведь знаете, Фома Фомич, – мы с вами, слава богу, не пижоны, – что ссора в кают-компании – последнее дело... Это не на берегу, где люди поссорились, да и разошлись... Тут волей-неволей, а всегда вместе... Ну, вы и старше, и рассудительнее, и похладнокровней – вам бы, знаете ли, и попридержаться... Юнцу труднее... Молодо, зелено. Долго ли ему увлечься...

– Он, Василий Иванович, всегда лезет со спорами... Он забывает, что я не молокосос, а старший артиллерийский офицер! – говорит с обидчивым раздражением Фома Фомич, вращая своими выпученными белками... – Какой-нибудь тут маменькин сынок... папенька – адмирал... так уж он и воображает!.. Ты, брат, прежде усы хоть заведи и тогда разводи... А то: «допотопные взгляды»! Вы ведь слышали, Василий Иванович, как он это сказал и как при этом взглянул? Точно я, с позволения сказать, в самом деле какой-нибудь допотопный зверь-с... Все же, хоть я и не адмиральский там сын, а надо иметь уважение... Славу богу, двадцать пять лет отзвонил... И вдруг какой-нибудь мальчишка...

– Уж я его распушу, Фома Фомич, распушу... Будет помнить! Только вы на него не сердитесь... Ведь он, по совести говоря, и не думал вас оскорбить... Ей-богу, не думал... Так, в пылу спора увлекся... ну, и трудно бывает всякое лыко да в строку! Все мы, кажется, слава богу, живем по-товарищески... все вас уважают...

Василий Иванович как-то умел успокоить, и после такой беседы Фома Фомич возвращался в кают-компанию значительно смягченный и, во всяком случае, уверенный, что его и не думали сравнивать с допотопным зверем.

В свою очередь, и гардемарин с задорным вихорком призывался в каюту Василия Ивановича и получал там «порцию» советов.

– Философии-с разные разводите, батенька, а забываете, что грешно обижать людей! – начинал обыкновенно «пушить» Василий Иванович, усадив гостя на табуретку. – Фома Фомич по-своему смотрит на вещи, я – по-своему, вы – по-своему... ну, и оставьте Фому Фомича в покое... Эка на кого напали... На Фому Фомича! Сами знаете, что служба ему не мать, а мачеха, а вы еще подбавляете ему горечи... Можно спорить, уж если так хочется, но не обижать человека... А то прямо и брякнули: «допотопные взгляды». А если бы он вам на это ответил резкостью... вы бы ему еще... вот и ссора... И из-за чего-то ссора? Из-за выеденного яйца! Какой ни на есть Фома Фомич, допотопный или нет, а он добрый человек и честно исполняет свое дело...

– Я не думал обижать Фому Фомича... Я вообще говорил о допотопных взглядах... С чего это он взял...

– Не думали, а обидели... Вы – «вообще», а он на свой счет принял... Эх, батенька!.. У вас-то вся жизнь впереди, надежды там разные, – даст бог, адмиралом будете, что ли, – а ведь у Фомы Фомича ничего этого нет... Тер лямку весь век и умрет, пожалуй, в капитанском чине... Вот он и мнителен, и от всякого неосторожного слова готов обидеться... А вы еще шпильки подпускаете... Это, милый человек, не по-рыцарски... Надо беречь чужое самолюбие, если оно никому не вредит, а не то что раздражать его... Уж вы сердитесь не сердитесь на меня, а я, как старший товарищ, считаю долгом вам сказать это... И что за страсть у вас спорить! – удивлялся Василий Иванович. – Фому Фомича вы не переделаете, а только раздражите... Да и кому вредит Фома Фомич? Я бы, знаете ли, на вашем месте, объяснил ему, что не имел намерения его оскорбить... За что его обижать? И без того судьба его обидела!

Кажется, не особенно мудрые были слова Василия Ивановича, но товарищеский тон их и, главное, сердечная теплота, которой они были проникнуты, делали свое дело. Гардемарин с задорным вихорком объяснялся с Фомой Фомичом, и Василий Иванович радовался более всех, видя, что снова в кают-компании царствуют мир и согласие и нет никаких интриг. К интригам Василий Иванович питал страх и отвращение.

V

До подъема флага осталось всего пять минут. Офицеры уж стали собираться на шканцах, а Василий Иванович все еще продолжал любоваться клипером.

Все сегодня были как-то празднично настроены. Берег, со всеми его удовольствиями, действовал на моряков оживляющим образом. Большинство собиралось ехать на берег с утра и провести в Гонолулу целый день. Поглядывая на живописный берег, все обменивались между собой восторженными восклицаниями. Даже Фома Фомич размяк и обещал дать двадцать пять долларов взаймы гардемарину с вихорком, который донимал Фому Фомича допотопными взглядами. Фома Фомич был кремень. Он редко съезжал на берег и редко раскошелывался, и у него водились деньжонки. Но Гонолулу прельстил и его, и он собирался «кутнуть» вместе с другими.

– А вы, батя, поедете? – обращается кто-то к иеромонаху Виталию, стоявшему в сторонке и как-то безучастно смотревшему на город.

– Не подобает! – басит в ответ отец Виталий, и его желтое, бескровное лицо, несколько похожее на те, которые рисуются на образах, делается напряженно-серьезным.

– Отчего не подобает?

– Соблазн... Голые человеки... И опять же, в рассуждении одежи...

– Я вам, батя, платье дам... Пиджак у меня отличный...

– Срамно... Монах и в пинжаке...

– Проветрились бы, посмотрели бы на природу, а то вы, батя, все в каюте да каюте...

Того и гляди цинга сделается...

– Божья воля... Вот вышел теперь и зрю...

Отец Виталий, попавший из уединения Валаамского монастыря⁹ в кругосветное плавание, скучал среди не подходящего для него общества моряков и большую часть времени спал в своей каюте. В кают-компанию заходил редко, только во время чая, завтрака и обеда, говорил вообще мало и пел у себя в каюте духовные канты¹⁰. По происхождению из мелких купцов, отец Виталий, несмотря на монашеский обет, был сребролюбив. Он копил деньжонки и давал по мелочам в «заимообраз», до получки жалованья, и с небольшой лихвой. В иностранных портах, посещаемых клипером, отец Виталий ни разу не был. Находил, что «не подобает», да и жалел потратиться на покупку статского платья. Раз было он попробовал съехать на берег, кажется в Англии, в своем монашеском одеянии, но скоро вернулся, ругательски ругая английских уличных мальчишек, провожавших его по улице целой толпой. Зато, когда клипер заходил в русские порты Тихого океана, отец Виталий оживал: вместе с несколькими охотниками-матросами отправлялся, бывало, на рыбную ловлю (он был отличный рыболов) на целый день и возвращался обыкновенно в чересчур веселом расположении духа.

– И ловок же поп наш ловить рыбу! – говорили матросы, передавая подробности рыбной ловли... – Ну, и насчет вина горазд...

Наконец вышел наверх и капитан. Отвечая любезно на поклоны, он поднялся на мостик. Это был высокий, несколько сутуловатый, худощавый мужчина лет сорока. Что-то спокойное, неторопливое, скромное и в то же время уверенное было в его манерах, в походке, в чертах серьезного энергичного лица, окаймленного черными, начинавшими серебриться, бакенбардами, в добром, спокойном взгляде черных глаз. Сразу чувствовалось, что это человек твердой

⁹ Валаамский монастырь – Преображенский мужской монастырь на о. Валаам в Ладожском озере.

¹⁰ Духовные канты – песнопения торжественного церковного содержания.

воли, умеющий владеть собой при всяких обстоятельствах, привыкший управлять людьми и пользовавшийся авторитетом не в силу своего положения, а вследствие кое-чего более существенного и прочного. Во всей этой спокойной фигуре было что-то располагающее и внушающее доверие. Он так же спокойно и неторопливо распорядился во время шторма, как и в обыкновенное время; все знали, с каким хладнокровием и находчивостью этот же самый человек, три года тому назад, выбросился во время бури на берег, чтобы спасти судно и людей. Старый матрос, бывший в то время на шкуне и теперь служивший на клипере, рассказывая этот эпизод и описывая, какой напал на всех ужас при виде шкуны вблизи бурунов, разбивающихся о подводные камни, так говорил про капитана:

– А он-то стоит это, братцы вы мои, на мостике, и нет в нем никакого страха... «Не робей, говорит, ребята, не робей, говорит, молодцы!..» Ну, видим – он не сробел, и наш страх пропадать стал... И командует быдто на ученье... Так на всех парусах и пронеслись промеж скал, да и врезались в мелкое место... И все тогда вздохнули, перекрестились... видим – спаслись. Он как есть потрафил... А не вздумай он выброситься – быть бы всем нам покойниками, потому якоря потеряли, машина испортилась, а вихорь так и несет на камни. А от этих самых подлых камней до берега далече... А буря и не дай тебе господи!.. А он и выдумал... Как это мы врезались, он и говорит: «Ну, молодцы, ребята... Славно работали... Теперь, говорит, отдохнем!» И ушел вниз... Господь его, видно, любит и бережет за евойную доброту, за то, что матроса не обижает!.. – прибавлял рассказчик.

– Д-да!.. Такого капитана мы еще не видывали... – поддакивают матросы. – Одно слово, голубь!

При появлении капитана Василий Иванович подобрался, приосанился, отступил несколько назад и, снимая, по морскому обычаю, фуражку, раскланялся с своей обычной, несколько аффектированной служебной почтительностью, в которой, однако, не было ничего заискивающего, унижительного. Этим поклоном Василий Иванович не только приветствовал уважаемого человека, но, казалось, и чествовал в лице его авторитет командирской власти.

– С добрым утром, Василий Иванович! – проговорил капитан, пожимая Василию Ивановичу руку. – Успели уж совсем убраться! Клипер так и сияет! – прибавил он, озираясь вокруг.

Довольная улыбка растянула рот Василия Ивановича до ушей. Он засиял еще более от этого вскользь сказанного комплимента и скромно проговорил:

– Управилась помаленьку, Павел Николаевич!

И затем прибавил озабоченно:

– Такелаж несколько ослаб после перехода, Павел Николаевич. Надо бы тянуть...

– Что ж, вытянем...

– Когда прикажете начинать?

– Успеем еще, Василий Иванович... Мы здесь простоим неделю, если не будет каких-нибудь особых приказаний от адмирала; с почтовым пароходом завтра придет из Сан-Франциско почта. Адмирал, кажется, в Сан-Франциско.

– На флаг! На гюйс! – раздался веселый голос вахтенного мичмана.

На клипере воцарилось молчание. Василий Иванович отступил назад и взглянул на часы. Оставалась еще минута. Сигнальщик перевернул минутную склянку и смотрел, как медленно сыпался песок.

– Склянка выходит, ваше благородие! – доложил он вахтенному офицеру.

– Ворочай! Флаг и гюйс поднять! – раздалась команда.

Все обнажили головы. Выстроенный на шканцах караул отдал честь, взяв ружья на караул. Горнист заиграл поход. Боцмана и унтер-офицеры засвистали в дудки. И в то самое время, как колокол бил восемь ударов, брам-реи, заранее поднятые, были моментально повернуты, и оба флага, кормовой и носовой, взвились на флагштоках.

Все надели фуражки. На военном судне начался день.

Новый вахтенный офицер с последним ударом колокола взбежал на мостик. Смена вовремя свято соблюдается между моряками, особенно в море, да еще в скверную погоду. Опоздать без предупреждения, при смене товарища, считается чуть не преступлением.

Окончив сдачу, мичман спросил:

– Вахты как теперь на якоре будут? Суточные?

– Да. Старший офицер разрешил...

– Так я на целый день дерну на берег!.. Счастливо оставаться! – проговорил мичман весело и пошел в кают-компанию пить чай.

К капитану, стоявшему на другой стороне мостика, подходили между том офицеры, заведующие отдельными частями, с обычными ежедневными рапортами о благополучии вверенных им частей. Капитан выслушивал, приложив руку к козырьку, по очереди короткие рапорты артиллериста, штурмана, доктора и старшего офицера, обменивался с ними рукопожатиями, и рапортующие уходили.

Когда Василий Иванович окончил свой краткий рапорт, капитан сказал:

– Сегодня утром придется ехать с официальными визитами, но к вечеру я рассчитываю быть на клипере, Василий Иванович. И завтра целый день останусь, – подчеркнул он. – Значит, вам ничто не мешает ехать на берег, Василий Иванович...

– Успею еще... Пожалуйста, из-за меня не стесняйтесь, Павел Николаевич!.. Я, вы знаете, небольшой охотник съезжать... Так разве, немножко прогуляться, что ли! – прибавил Василий Иванович, краснея...

Между капитаном и старшим офицером нередко происходили сцены, где один старался превзойти деликатностью другого. Бывали эти сцены по случаю съездов на берег. Оба они одновременно почти никогда не оставляли клипера, кто-нибудь из них да оставался. Таков был заведенный морской порядок. Капитану, по его положению, разумеется, чаще приходилось съезжать: делать официальные визиты, принимать приглашения на обеды и пр.; он всегда старался, чтобы и Василию Ивановичу было время съездить на берег. Василий Иванович, с своей стороны, отказывался, говоря, что ему и не хочется и работы есть на клипере... Так отговаривался он и теперь.

– Уж вы и так заработались, Василий Иванович. Надо и вздохнуть... Посмотрите, как хорошо не берегу... И за город стоит проехаться... Консул вчера говорил, что там прелестные апельсиновые рощи и славные виды...

– Да, хорошо-с! – проговорил Василий Иванович, взглядывая на берег... – Хорошо-с! Я, если позволите, вечером съезжу-с...

– И завтра поезжайте, Василий Иванович...

– Завтра я думал начать такелаж тянуть.

– Нет, нет, Василий Иванович, подождем лучше... Дайте и людям отдохнуть... Уж я бы вас просил дня три никаких работ не делать и учения можно пропустить...

– Слушаю-с!

– Да команду можно бы уволить на берег... Пусть прогуляются...

– Я думал – после работ, как такелаж вытянем...

Капитан улыбнулся.

– Вытянем и такелаж, не беспокойтесь... Ведь в два дня кончим?

– Кончим.

– Ну, значит, можно команду отпустить два раза на берег... Перед работой и после...
Согласны?

– Слушаю-с... Вот фор-марса-рея тоже чуть-чуть подалась... Надо бы в запас новую...

– Разве не выдержит?

– Выдержит, но только есть трещинка... правда, пустяшная...

– Так подождем, Василий Иванович...

– А краситься не будем, Павел Николаевич?

– Эка вы какой, Василий Иванович!.. И так, кажется, благодаря вам, клипер – игрушка!..

Обыкновенно капитан сдерживал Василия Ивановича, когда старший офицер, преследуя свой идеал порядка и чистоты, чересчур увлекался и утомлял людей. Капитан умел всегда убедить Василия Ивановича, не прибегая к приказаниям. Некоторое несогласие между ними во взглядах на чистоту и порядок не портило их отношений. Недаром Василий Иванович был вышколен в морской дисциплине и вдобавок был искренне расположен к капитану.

– Прикажите, пожалуйста, к девяти часам приготовить вельбот! – обратился капитан к вахтенному офицеру.

– Есть! – ответил офицер.

– Я постараюсь пораньше вернуться, Василий Иванович, да не забудьте, что и завтра я дома! – еще раз повторил, улыбаясь, капитан и ушел к себе в каюту.

Все офицеры давно ушли вниз собираться на берег, а Василий Иванович все еще не спустился. Ему еще надо взглянуть на клипер снаружи и с боцманом править реи, и он приказал подать «четверку» к борту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.